

1997 №20

Елена Бурлина

ВЛАДИМИР НЕМУХИН: В ЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Для какого-нибудь журнала начать перечнем заслуг: мол, "душа и мотор московской художественной жизни 50-80-х", как пишет маститый немецкий профессор Карл Аймермакер. Или - о мотиве карт, обусловленном, по заверению Александра Боровского, экзистенциальными настроениями. А то попросту, представить его для "новых богатых", чтобы поняли, что он - дорогой: картина его висит со временем смерти Джона Кеннеди в Белом Доме, в настоящем, в Вашингтоне. А сейчас он работает в Германии, только-только выставлялся во Франкфурте и так далее. А в Москву - пару раз в году: обняться, подарки привезти. Но выхожу к читателям "Цирка "Олимп", в котором было все: и про Лианозово, и Сапгир с Некрасовым в каждом номере, и трогательно про "немухинолюбие"... В "Цирке "Олимп" надо, чтобы он приехал в Самару и спросил: "Скажите, Елена, а что Вы думаете по поводу..." Врать не буду, такого не было. А кухня действительно была. В Самаре, у Клары Саркисян. Разумеется, у профессора Клары Борисовны. В этом европейском доме, выросшем среди хаток и избушек Оврага Подпольщиков. Так вот, на кухне у Клары, в начале декабря 96-го, уже после того, как записала десяток километров разговоров с Немухиным, я увидела чудесную книжку Сергея Кускова "Владимир Немухин". Владимир Николаевич, вот это для Вас: мол, никому мы, шестидесятники, в Москве не нужны... Книжка лежала, как карта, как редкий выигрыш. Она урегулировала и упорядочивала, придавала немного иронии и понимания. Эту карту я называю "ПАРАДОКСЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ". Мои прекрасные скровища: Вика, Марк, Клара, Таня, Валя. Марина, конечно. Но это в другой раз. Про свою коллекцию "парадоксов провинциальной культуры". Итак, ничего он у меня не спрашивал: "Скажите, Елена..." Начинал монологи с порога, такую смесь московского просторечья, истории искусства, друзей: Зверева, Рабина, Плавинского, Штейнберга, да всех героев "Цирка "Олимп". И без переходов: Кандинский, Сезанн, Малевич. Про искусство, про спасение, про сакральность. Да-да-да, шестидесятник. И постмодернист. Или точнее, как говорят в здешних местах, Второй русский Авангард. Вот, например, тема:

ПРЕДМЕТ И СМЫСЛ

Вл.Ник.Немухин (В.Н.Н.): Карта - предмет простой. Как хлеб, как яблоко. В ней много самоиронии. Она нужна мне в моем художественном пространстве. Я уже стар и мне оправдаться надо. Так я ощущаю свою профессию сейчас. Я понимаю моих учителей, которые мне говорили: "Будет тебе 60 - поймешь". Сейчас оцениваю свою профессию иначе, чем в 30.

- Поговорите, пожалуйста про карту. Уже много лет в самых разных работах карта - Ваш обязательный предмет. Почему?

В.Н.Н.: Потребность. Невозможность без этого сложить свое пространство. Почему? Вы можете жить без любви? А я не могу без моего пространства на картинах. Карта мне помогает его сложить. Есть мировое пространство и личное пространство. В личном пространстве - обязательные для тебя привязанности, образы. Без них невозможно. Да еще в старости, когда много творческой потенции, но и много долгов, которые нужно успеть отдать.

Да, я сейчас понимаю свою профессию иначе, чем в 30 лет. И уверен, что она вообще должна перестраиваться. Не по стилю, не по художественному методу. А по смыслу. Я имею в виду профессию художника. Для этого мне лично нужна была моя карта.

- Вы игрок?

В.Н.Н.: Не-ет! Могу иногда в карты перекинуться, в преферанс сыграть.

- А может быть, Чайковский, Пушкин: "Три карты, три карты..."

В.Н.Н.: Нет, никакой литературы.

- Вы азартный человек?

В.Н.Н.: Не могу сказать.

- В мистическое верите?

В.Н.Н.: Верю, верю. Недавно слушал передачу о Бахе. Узнал, что он описал чуть ли не 80 карточных игр. Карта - предмет скользкий, банаальный, я уже говорил. С ней можно попасть куда угодно. А мне надо спастись, надо свое пространство найти, сложить, карта мне помогает. В этом пространстве нужно и себя, и ее оправдать...

И я верю в мистическое. Я разговариваю с мастером, с московским европейцем потому, что Раиса Марковна вышла из редакции с газетой "Кармиельские новости", а Дина Моисеевна заинтересовалась. Уважаемые кармиельские дамы, а это довольно далеко от Дюссельдорфа, почти на ливанской границе, конечно, говорили о детях. "Доктор наук, профессор, Эдик в Дюссельдорфе давно и знает всех".

К Немухину привели меня Эдик с Наташей. Наташа говорила: "Я от Вас балдею." И мне, и ему. И очень легко уговорила его рассказать о юности, о друзьях и учителях. Однажды, взяв книжку Шагала, там, где молитва к матери,

он разразился: "Еврейская тема, что вы в этом понимаете!! Весь мир перевернется, а еврей будет говорить: "Мамочка, мамочка..." Да, я тоже верю в мистическое.

Еще тема:

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗ ЦЕНТРА

- Почему Вы в Германии большую часть года? Почему не в Москве, не в Париже или Прилуках, откуда родом?

В.Н.Н.: Мечтал о Париже, много лет мечтал. Но жить там не смог. Слишком много друзей, музеев, воздуха. Не мог работать. Когда попал, как будто сила какая-то меня за волосы таскала: музеи, книги, кладбища. Как ошпаренный бегал. В Германии другое. Конечно, культурная страна, музей, воспитанная публика. Наша выставка "Второй русский авангард" пользовалась успехом во Франкфурте-на-Майне. Но главное здесь - покой и работа. И еще. ЗДЕСЬ НЕТ ЦЕНТРА. Где бы вы ни жили в Германии, вы всегда в центре. Здесь особая зона, уникальная. Все время чувствуешь, что ты - в центре. Но другой - тоже в центре. Очень человечное пространство.

Один корреспондент спросил, почему вы в Германии? А я ответил, что продукты хорошие и нервы спокойные. Так ведь это тоже правда. Мог бы сказать, что всегда хотел жить в стране Дюрера. Ходить по следам Моцарта и Баха. Что у меня здесь достаточно друзей, и попали сюда мои картины еще 30 лет назад. И все это не вранье, а правда. Но еще правда, что воздух и продукты хорошие, что спокойно здесь. Работать можно спокойно, уважая страну, которая сумела так себя образовать.

- Вы знаете, где живут Ваши картины? В каких странах, в каких домах?

В.Н.Н.: Со своими работами больно расставаться, раньше я вел счет и знал адреса по всему миру. Знаю, что их больше тысячи. Есть и в Париже, и в Германии, и в Америке. Наши работы, я имею в виду московских художников-авангардистов, что называется, "в каблучке", вывозили с начала 60-х из Москвы. Наши искусством интересовались иностранцы, дипломаты. Огромную роль сыграли известные коллекционеры Бар-Гера, живущие много лет в Кельне. Они собирали работы Второго русского Авангарда и первыми широко представили его на Западе. Их усилиями здесь, в Германии, проходили выставки, издавались буклеты.

- А были ли у Вас персональные выставки в Москве?

В.Н.Н.: Не было. "Бульдозерная выставка" и другие официальные показы - это минутные дела. Мы много показывали в 60-е годы по домам. Иной раз собирались в воскресенье до 40 человек в маленькой комнате, в пригороде Москвы, чтобы посмотреть новую работу. Но официальных выставок и роскошных каталогов, какие ныне издаются, ни мои товарищи, ни я в Союзе не знали. Сейчас Третьяковская Галерея предлагает мне сделать выставку, но вопрос организации нужно было бы им адресовать. Да и я не уверен, что такая выставка сейчас в Москве нужна. Мы, шестидесятники, стали там какими-то окаменелостями.

- Однако, выставка Второго русского Авангарда во Франкфурте-на-Майне собрала на открытии в конце октября 1996 года, как я слышала, более семисот человек публики. Вы полагаете, что в Москве, вообще в России, было бы не так?

В.Н.Н.: Здесь очень воспитанная, культурная публика. Каждая выставка собирает много людей. Что касается нашей выставки, то она имела еще и определенный социально-политический привкус. Все те же разговоры об оппозиции властям, о бульдозерах, раздавивших искусство. Я думаю, что русская живопись 60-80-х годов - это огромное художественное явление. Выросшее и пробившееся сквозь незнание, сквозь бетонные плиты захороненных традиций. Но это - искусство. Это поиски нового пространства и времени, это поиски новой роли художника, новых тем. Мучительный процесс создания и раскрытия сакрального, закрытого от поверхности обыденности мира.

Ключевая, постоянная тема, неожиданная для поставангардиста:

ОТ СОРОК СЕДЬМОГО К ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ

- Вы говорите, что не было политики для московских художников 50-80-х. Но было же Ваше ощущение "оттепели", выхода из закрытой сталинской ямы?

В.Н.Н.: Эти годы - от 47-го к 58-му - надо понять. В них весь ключ. Я в эти годы ни о каких репрессиях знать не знал. Я просто пришел к Петру Ефимовичу Соколову, ассистенту Малевича, и сказал, что хочу быть художником. Это было еще во время войны. Он мне показал формальные картины, вrepidуциях, конечно. Я в ту пору ничего не видел. Все музеи были закрыты. В 51-ом Сталину исполнилось 70 лет. Везде открывались экспозиции его подарков. Я пошел в Пушкинский музей, а там - подарки: лампочки шахтеров, соломки из Индии. Только на потолке в Греческом зале какой-то декор. И на этом фоне Соколов мне потихоньку Сера и Сезанна показывает. Другие известные московские учителя - Пирюцкий, Хазанов, Друскин - тоже что-то ученикам показывали. Хорошая школа была в Москве. Но смотреть, а тем более показывать было страшно. В 47-ом я стал свидетелем первых арестов, посадили всю группу студии ВЦСПС, где я учился.

- Многие убегали из Москвы, прятались по провинциям, по республикам. Там было безопасней. Вы чувствовали, что в Москве